

Людмила Голобокова

Не рано ль?

Осень ночью безлиственной лапой
Постучала в окошко мое.
Небо, словно готовясь заплакать,
Тучей черной закрыло живьём.

Осень, осень, не рано ль пришла ты!
Я пока у тебя не в плену,
Мне еще далеко до заката,
Не дари мне свою седину.

Мне весны не вернуть — и не надо,
Лишь бы летнего зноя чуть-чуть,
Ночью жаркой немного прохлады
И воды ключевой отхлебнуть.

Ты не стой у порога, не надо,
Не сжимай мое сердце тоской.
Мои годы сейчас — как награда,
Не просись ты ко мне на покой!

Литературное объединение «Зодиак»

Анатолий Прядкин

«Апокалипсис» — так называется сборник стихов Анатолия Прядкина, вышедший этой весной. Откровение и в авторском вступлении к книге, и в размещенных в ней стихах — вот главный смысл издания. Желание сказать о том, от чего болит душа, почему жизнь сложилась именно так, как сложилась, о людях, которые шли рядом и около, — да мало ли что подвигло поэта собрать в книге стихи, большинство из которых еще не видело света. Сегодня мы публикуем некоторые из них.

ОБРАЗ РОССИИ

Россия, нет, не ледакол
И не межзвездная ракета,
Не гордый сокол над Окой
И не медведь, в меха одетый.

Россию вижу в облаках,
Как Богородицу с Младенцем.
Сын Божий спит не на руках,
Он спит у Матери под сердцем...

Россию вижу я такой,
Россию вижу не иначе!
Нарушат спящего покой —
Все человечество заплачет.

УТРАТА

Наш ум постигнет горькая утрата,
Когда произнесут с усмешкой вслух:
«Что воля без тюрьмы,
Что рай без ада,
Что смерть сама,
Когда бессмертен дух!».

Жалеть не стоит о такой потере —
Другие есть законы бытия.
И вот по ним, уже на самом деле,
Нам в этой жизни нечего терять...

КАРИНА

Ей нравилась эта картина.
Березки. Речушка и луг.
Но годы прошли. Паутина,
Попутчица модных старух,
Затмила изящность природы
На белой, как саван, стене,
И вот, без особой охоты,
Картина попала ко мне.

Я бархаткой пыль с нее вытер,
Всмотрелся в знакомый пейзаж
И столько былого увидел,
Как будто открыл вернисаж.

АПОКАЛИПСИС

(версия)
Апокалипсис — это безмолвье души,
Апокалипсис — это восторги мгновений,
Апокалипсис, если уходят мужи
Ждать на Голгофах с небес вдохновенный.

Апокалипсис — это когда сам не свой,
Апокалипсис — это воистину Божий
Сын или раб! И только своей головой
Сможешь ответить за путь, что был прожит.

Николай Кольхалов

ХРАМ

Этот храм — на вершине села,
Возле пруда, погоста, за клубом.
Но дорога травой заросла,
Виден только разрушенный купол.

Больно было и горестно нам,
Что однажды, почти в одночасье,
Михаила Архангела храм,
Как душа, развалился на части.

В годы тех неизбежных потерь
Размещался колхозный здесь склад...
Кто-то высадил окна и дверь,
Лишь вороны снуют и галдят.

И внутри настоящий бедлам:
Все ободрано здесь до извистки...
Имярек ли расписывал храм
Иль художник Боровиковский!

В книге жизни осталась страничка
О святых, поруганных властью.
Как в наместку висела табличка:
«Охраняется государством».

Но сегодня надеждой живем,
Что духовность народа окрепла.
Колокольный малиновый звон
Возрождается с храмом из пепла.

Литературное объединение «Зодиак»

Татьяна Каминная

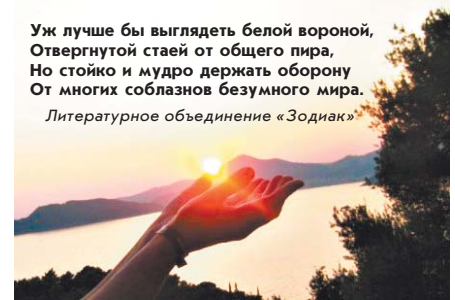
Белая Ворона

Бывают минуты, мгновения даже,
Когда в суете, в разговорах пустячных
Теряется что-то, и эта пропажа —
Как будто кусочек меня настоящей.
И сразу сердечко забьется тревожно,
Мне эта тревога ясна и понятна:
Такую потерю вернуть невозможно —
Теряем себя мы всегда безвозвратно.

Бывает, с друзьями за чашечкой чая,
Когда обсуждаем досужие сплетни,
Прервав разговор, иногда замечаю:
«А вдруг этот день в нашей жизни последний!
А мы ерундой растревожили души
И мелкими мыслями заняли разум...».
Но вижу, не хочется им это слушать,
И к прерванной теме вернуть меня сразу.

Уж лучше бы выглядеть белой вороной,
Отвергнутой стаей от общего пира,
Но стойко и мудро держать оборону
От многих соблазнов безумного мира.

Литературное объединение «Зодиак»

К 100-летию Марии Гореловой

ИЗ СТАРОЙ МЕМРАДИ

Мария Зиновьевна Горелова прожила в Кашире почти тридцать лет. Работала экономистом в управлении Московско-Донбасской железной дороги, на швейной фабрике, была диктором на Каширском радио, много занималась общественной работой. И писала стихи, которые печатались в местных газетах, в том числе и в нынешних «Каширских известиях», и вошли в сборник, вышедший на излете жизни. В этом году Марии Зиновьевне исполнилось бы сто лет, и мы отмечаем эту дату публикацией ее стихов.

Я куда-то уеду. К другому порогу,
Где меня так давно с нетерпением ждут.
Где в полях затерялась большая дорога,
А в оврагах высокие травы растут.

Буду жить в деревенском, задумчивом доме:
Белый ситчик на окнах, резное крыльцо...
Буду пить молоко, не простое — парное.
Молодым и приветливым станет лицо.

Взбудоражат рассвет петушьи крики,
Ляжет красное солнце на грудь облаков.
Буду в ближнем лесу собирать землянику,
Загорать на песке и ходить босиком.

Старый дом, старый сад, повилка в ограде...
Буду рано ложиться и рано вставать.
Кто-то добрый и нежный морщинки разгладит,
Кто-то будет своей дорогой называть.

Будет желтый июнь. Васильки и ромашки.
Будут белые зимы дышать на стекло.
Кто-то утром мне слово приветное скажет,
Чтоб весь день на душе и легко, и светло...

В сапогах резиновых, в старой телогрейке,
Повязавшись бабьим вязаным платком,
Ходит моя осень по колхозным рынкам,
Продает картошку, репу и морковь.

Продает, торгует... Грязь вокруг и сырость.
Три цены запросит с килограмма слив.
От дождя и ветра под брезент укрылась.
И снуют ей люди смятые рубли.

Красными руками поправляет проседа,
Разъяренный ветер ей лицо сечет...
Где ж ты, моя краля — Пушкинская осень!
Легкая походка, тонкий каблучок...

Все-то мне тревожно, все-то мне тоскливо.
То ли от погоды, то ли от людей!
Стала моя осень бабою сварливой,
Стала серой суккой затяжных дождей.

Помню, выходила звонкая навстречу,
То не бабье лето, а весна красна.
Только что не шалью закрывала плечи —
Палили на плечи медь и бирюза!

На каких дорогах, где ты затерялась —
Та, что вдохновляла золотом листья!
Красота, которой раньше любовались
И которой просто не заметил ты...

Мои стихи — лирический дневник,
И нет в них лжи и мало оптимизма.
Прочтите их — возникнет скорбный лик
Живой души одной несложной жизни.

И нет в них надоевших громких слов
И модных рифм, невнятного заумья.
Нет слов любви — их время унесло,
Погасли некогда пылающие угли.

Покрылся пеплом красный их накал,
И красноперые не распевают птицы,
Крылатый конь далеко ускакал,
Ложится снег на белые ресницы.